

**Андрей Ревягин**

A watercolor illustration of a city skyline. In the foreground, a bridge with a central arch spans a body of water. On either side of the bridge are ornate towers with domes. The background features a dense cityscape with various skyscrapers and buildings, some with glowing windows. The color palette is dominated by deep blues, oranges, and reds, with a textured, painterly style.

**ТАЙНЫ  
СТАРОГАСТРОНОВСКОГО  
ДВОРА**

# **Андрей Иванович Ревягин**

## **Тайны**

### **старогастрономовского двора**

*Текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=72957567](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72957567)*

*А. И. Ревягин. Тайны старогастрономовского двора: Издательство*

*«Четыре»; Санкт-Петербург; 2026*

*ISBN 978-5-908079-41-9*

### **Аннотация**

Старогастрономовский двор является кладезем ума и таланта, надежд и свершений, исканий и упорства, побед и торжества... Много тайн хранит Старогастрономовский двор. Автору в этом дворе посчастливилось жить... А дворовые друзья – ребята, парни-пацаны, товарищи – это самые лучшие друзья на свете! Они – самые смелые, умные, смекалистые и находчивые – самые надёжные и самые настоящие друзья!.. С ними хорошо...

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Как пионер парткому помог         | 5  |
| С песней по жизни                 | 26 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 31 |

**Андрей Ревягин**  
**Тайны**  
**старогастрономовского**  
**двора**

© А. Ревягин, текст, 2026

© Издательство «Четыре», 2026

\* \* \*

# Как пионер парткому помог

*(О пользе фантазии)*

Когда мне было лет десять, в России (тогда часть СССР) царил «развитой социализм». Правда, тогда про него ещё не говорили, что он «с человеческим лицом». Сам я, как и любой «твёрдый хорошист» (об «отличниках» и не говорю), был в то время уже не октябрёнком, а пионером. А как пионеру, летом мне уже полагалась не просто дача, как октябрёнку и дошкольнику, а полноценный, настоящий пионерский лагерь.

Пионерский лагерь – это что-то вроде загородного лесного санатория, но без лечебных функций (с грязью там, водой минеральной целительной и т. д.). От чего, как говорится, лечить пионера, когда здоровей его только корова? Да и то только потому, что живёт она в среднем всего два года!

Пионерский лагерь – это «подъём» и «отбой» под звуки горна. Да и не просто это были звуки, а это были настоящие военные сигналы: «Побудка», «Тревога»... Сигналы, принятые «на вооружение» не столько уже при советской власти, сколько ещё, наверное, при самом царе Горохе.

Горнист занимал в пионерлагере весьма завидное положение и не каждому давал возможность подудеть в горн (а желающих и даже страждущих было хоть отбавляй).

Пионерский лагерь – это песни у костра. Как правило, в день закрытия лагеря. Поскольку на гитаре, да ещё ежедневно, в те времена умели играть только закоренелые рецидивисты, которые умудрились выйти на свободу «холодным летом 53-го года» и очень «умудрились» пока не схлопотать очередной срок... «Битлы» же, напомним, с их повсеместным «гитарным бумом» были ещё только на подходе. Да и то только в своей Великобритании, в ихнем Ливерпуле.

Пионерский лагерь – это ночная рыбалка. Раз в заезд.

На одной такой рыбалке я, в общем-то, никакой и, как сейчас уже выясняется, то и никогда «не рыбак», поймал ту одну-единственную за всю свою жизнь рыбку длиной с авторучку. Поймал только потому, что мой товарищ-рыбак, с которым я и затесался на это мероприятие, попросил меня поддержать его удочку, пока он ненадолго отлучится «недалеко»... А мне через минут пять надоело держать эту удочку, я дёрнул её вверх, и вот в моих руках затрепетала рыбка... Я не помню, что я с ней сделал. Может, и выпустил... И если это так, то это очень красиво смотрится из нашего сегодня. Тут сама сейчас старушка Бриджит Бардо – защитница всего живого на Земле – может легко представить меня за это святое деяние к какому-нибудь французскому ордену (может быть, даже на подвязке).

Пионерский лагерь – это поход. Раз в заезд, суточный, с ночёвкой в другом дружественном лагере. Но это мероприятие только для старшей и проверенной группы пионеров.

Пионерский лагерь – это купание. Очень редко, при очень высокой температуре не столько окружающей среды, сколько проточной воды в нашей неширокой горноуральской речке.

Пионерский лагерь – это игра в футбол хоть каждый день. О! На настоящем поле да с настоящими воротами!

Не то что дома во дворе среди песочниц, скамеек и свежего белья на верёвках. Когда штанги – это не два кирпича или два портфеля... И тут некоторым уже бессмысленно спорить, а тем более – хлыздить (это когда спорят и заведомо знают, что не правы), был гол или нет... Потому что гол увидят все! Когда мяч затрепещет и затихнет в настоящей сетке. Ибо настоящий гол должен быть именно таким. Трепещущим...

Пионерский лагерь – это большой бильярд. О-о-очень редко! Когда наиграются вожатые и старшие пионеры.

Но азы его мы постигали именно здесь.

Пионерский лагерь – это сдача норм БГТО («Будь готов к труду и обороне!»). Их сдавали все! И очень старались при этом. Потому что пионер должен быть «Всегда готов!» (Это отзыв, когда пионеру говорили: «Будь готов!»)

Пионерский лагерь – это вечерние танцы под баян, реже – под аккордеон. Вот это было здорово! И главное, почти каждый день!).

Живой звук... Очень живой, поющий не под «фанеру», слегка, может быть, поддатый. А что такого? Для куражу

ведь! Баянист (он же – физорг днём), который, кроме того, что владел полным ассортиментом «музыки» того времени – тут и классика (тот же «полонез Огинского» или какой-нибудь падеграс он играл запросто и с ходу!), и народная музыка, и эстрада, и частушки – владел также и прекрасно подвешенным и острым языком. Оно и понятно: попей-ка с коллегами-баянистами! А каждая попойка, лучше сказать, выпивка – дружеская, конечно, лёгкая, романтическая, – это ведь и сшибка краугольных камней (по вопросам искусства, конечно!), и изощрённая профессиональная беседа, и урок, и лекция по повышению квалификации...

Пионерский лагерь – это страшные рассказы. После отбоя. Когда все уже лежат в постелях. И свет выключен...

«Мама ушла на работу в ночную смену...»

В те времена ужастики и разные там «байки из склепа» по телевизору не показывали, и поэтому устные страшные рассказы были актуальны.

Когда я в первый раз услышал этот рассказ, а все остальные страшные рассказы и рассказыки были, в общем-то, его модификациями, то был просто поражён. Как такое может быть?! Ведь это же – мать! Твоя мать!.. И как она может такое творить со своим ребёнком?!

А у многих из нас матери в те времена работали посменно: три дня – первая смена (днём, как и у всех), затем – выходной день, потом три дня – вторая смена (вечерняя), снова выходной, и три дня – третья смена (ночная). И у многих в

семье, кроме матери, никого больше не было...

Сейчас, да в общем-то, и давно уже, я понимаю, что это действительно страшно, когда тебя предаёт близкий человек. *Близкий человек...* А кто может быть ближе матери?

И не только предаёт. Но и желает, даже жаждет, твоей смерти!

А если это делает близкий человек, то тут тебе никто уже не поможет...

Но мы, мальчишки того времени, хоть и ёжились, и холодели от страха под одеялами, всё же сильно-то не пугались. Потому что знали, что все эти «страшные рассказы» не про нас! Знали, что у нас хорошие, добрые, надёжные, красивые и Самые Лучшие Матери на Свете!..

А рассказ этот был примерно такой. Он назывался «Чёрная шаль», или «Красное пятно» и т. д.

«Мама ушла на работу в ночную смену.

А её маленький сын остался дома один. (Ничего «особенного», всё, как и всегда; но он-то маленький, а мы – побольше.)

Но вот сегодня, почему-то в двенадцать часов ночи, когда у соседей пробили большие напольные часы (именно в «двенадцать часов ночи», – так страшнее) и когда мальчик уже спал, что-то стукнуло в окно... И тут же в форточку влетела чёрная шаль.

Она начала летать и кружить вокруг мальчика, стараясь обхватить и – главное! – задушить его...

Но он не растерялся, включил свет и схватил ножницы.

И когда шаль в очередной раз приблизилась к нему, изловчился и ножницами отрезал у неё один угол.

Шаль «охнула» (то, что шаль говорит, – тоже страшно) и улетела...

Наутро мать пришла с работы злая... и без руки!

(Вот тут особенно поражала внезапная «отрешённость» матери, её непонятная «неразговорчивость» – у тебя не стало руки, а ты не объясняешь почему?)

Вечером она снова ушла на работу. Молча...

И снова в полночь звякнуло окно, разлетелись вдребезги разбитые стёкла (ложась спать, мальчик предусмотрительно закрыл форточку; удивительно, откуда-то возникшие в нём взрослость, смекалка), и в комнату опять влетела чёрная шаль. В этот раз она принялась летать и кружить более настойчиво, более агрессивно, стараясь наконец-то задушить мальчика!

Но он и в этот раз не растерялся (вот оно, оказывается, что – не надо теряться и сникать в любой ситуации, а надо пытаться что-то сделать, что-то предпринять!), он опять схватил ножницы (благо они оказались поблизости; а вот положить их поближе он не додумался вчера – это был ему «большой минус», поскольку он мог не успеть схватить их)...

На этот раз он «отхватил» у шали угол побольше (Вот пионер! Вот молодец! Вот что значит «Будь готов!»)...

Шаль громко вскрикнула и улетела в окно.

Наутро мать пришла домой на костылях, без ноги, ещё более злая и зловещая. Ничего не объясняет, молчит, прячет глаза. И вот это самое страшное!

На третью ночь всё повторилось. Но шаль словно взбесилась! За ней было не поспеть! Она кружит и кружит; и вот, казалось бы, и всё. Но уже из последних сил мальчик сумел всё-таки вонзить ножницы в самую середину шали...

Шаль вздрогнула, зашипела (а вот это шипение – и есть самый-самый страх...) и тихо упала на пол.

И тут же – на месте падения шали – мальчик увидел свою мать. Но она была мертва...»

Пионерский лагерь – это «раскраски» (прелюдия карнавала). Когда смотрящего положенный послеобеденный сон пионера вожатые и старшие пионеры раскрашивают (как могут и как умеют) гуашью или акварельными красками.

А неожиданно проснувшиеся пионеры – как уже раскрашенные, так и ещё не раскрашенные (которым повезло) – начинают докрашивать своих соседей по койкам: кого зубной пастой, а кого и гуталином...).

Пионерский лагерь – это «поймка шпиона» (раз в заезд, ближе к концу).

Дело было так. Через час-полтора после отбоя вдруг, раздавались звуки горна, который играл «Тревогу»...

Лагерь поднимался, везде зажигался свет. И, кое-как одевшись, пионеры выбегали на построение.

Когда более-менее в летних полупотёмках пионеры вы-

страивались по группам, начальник лагеря «трагическим голосом» объявлял, что на территорию лагеря проник иностранный шпион. Ни больше ни меньше!..

Тут же твёрдо, «командным голосом», посерьёзневшим пионерам отдавался «боевой приказ» по его срочной поимке, захвату и «обезвреживанию»...

И только начальник лагеря успевал поставить задачу, как кто-то из ушлых, бывалых пионеров, пристально вглядываясь вокруг и не менее чутко вслушиваясь, уже верещал на весь лагерь: «Да вот же он!»

А то был уже знакомый нам, но ещё не узнанный, нахлобучивший на голову дурацкую в нашем понимании шляпу-цилиндр (из картона – вроде той, что носил пресловутый «дядя Сэм», которого в те исторические времена постоянно рисовали в «Крокодиле» сидящим на большом мешке с долларами) и одетый в не менее дурацкий длиннополый и большого размера прорезиненный плащ (что его сразу узнать было никак невозможно), наш весёлый баянист (он же днём – физорг).

И он (может, и слегка поддатый для куражу) тут же, резко «вроде спохватившись», громко улюлюкая: «О-ля-ля!..» (в то время, это «о-ля-ля» было ярким и не требующим доказательства «олицетворением всего гнивающего мирового капитализма») и выкрикивая на ломаном «иностранном» языке: «Я... есть... буюду... оч-чень жа-аловаваться на эт-тот... беспредель!.. Я есть – неприкосновенъ диплома-ат!..»,

тут же, пикая на манер азбуки Морзе: «Пи-пи-пи... па-па... пи-пи-пи...», будто передавая в свой «центр» донесение по радиации, начинал бестолково и путано бегать туда-сюда, смешивая гордых и смелых советских пионеров (которым было всё по плечу!

А все гонялись за ним, крича и кидая в него шишками: «Да вот же он!.. Лови его!..»

Скоро «шпиона» всё же отлавливали всем скопом и закрывали («под замок») в его же комнате баяниста-физрука, где он наверняка принимал на грудь ещё грамм 200 за всё это дело, но уже чтобы расслабиться.

А весь лагерь долго ещё в эту ночь был взбудоражен и просто счастлив.

Пионерский лагерь – это «День самоуправления». Когда все должности в лагере на один день занимали пионеры. Заслуженные, надо сказать, пионеры. Активисты. Лично мне за все неоднократные заезды удалось только раз побывать в должности физорга. Но это тоже ничего, я хоть накупался в этот день вволю.

На баяне я не играл, поэтому вечером на танцах играл, как говорится, штатный лагерный баянист. Играл «зажигательно», весь из себя розовый – ну, очень подшофе! – как бы утверждая, что без него никак, ну никак нельзя! Не получится.

Пионерский лагерь – это сам «карнавал». Который проводился в день закрытия, когда и зажигался прощальный ко-

стёр (а он бывал высотой и с двухэтажный дом).

На «карнавал» пионеры наряжались и раскрашивались, кто как мог.

Мы с приятелем как-то попробовали нарядиться пиратами-разбойниками. Натолкали в штаны и под рубашки по подушке, поржали над собой, глядя в зеркало, а потом, посмотрев на себя более критически, оставили эту затею, посчитав, что данное решение несколько для нас несерьёзно.

Мы просто-напросто погладили пионерские галстуки, брюки, рубашки (вот, и гладить научились – всё плюс к тому «Будь готов!»), и когда нас спрашивали: «А вы почему не в карнавальном костюме?», небрежно так бросали:

«А наш костюм называется “Отличник учёбы”».

И хотя призов нам за наши карнавальные костюмы не давали, пребывали мы на карнавале в хорошем расположении духа, свысока на всех коллег-пионеров поглядывая на все их дурацкие (в нашем понимании) увёртки и ужимки. И это, в общем-то, мудро было нами осмысленно. Потому что это же очень трудно – играть какую-то роль продолжительное время (того же разбойника). Играть и не быть, глядя со стороны, смешным, пошлым или, как мы тогда говорили, «плоским». Тут надо и ум приложить, и фантазию... А откуда у рядового пионера такие качества, если он, скажем, не то что не гений, а просто неспособный? Мы себя гениями не считали, «дуриками» быть не желали, так вот и стали «Отличниками учёбы». А что для этого надо? Делай умный вид – а его к

третьему классу умеет делать любой пионер – и всё!..

В конце концов, пионерский лагерь – это «первая любовь».

Но мне было всего лет десять и, ясное дело, было совсем не до «любви».

– Вы, главное, поправляйтесь там, – отправляя нас с сестрой в очередной раз в пионерский лагерь, говорили родители. Оба уже даже не комсомольцы. И другие родители своим пионерам то же самое говорили. Так это было принято...

Пионерские лагеря, имевшие первоочередную задачу – оздоровление детей трудящихся, имели в то время все более-менее приличные заводы. Наш лагерь находился за горой Ежовой, примерно в десяти километрах от медеплавильных печей (они дают очень «грубый запах», с образованием на влажном и тёплом языке любого млекопитающего избытка сернистой кислоты) и муфельных печей (Таммана) для спекания сплава типа «Победит» (дают очень «тонкий запах», но тому, кто его близко нюхает, разрешено уходить на заслуженный отдых на десять лет раньше).

Но понятие «оздоровление» (а выше, мы говорили, что пионерлагеря не имели функции лечебных учреждений), будучи понятием растяжимым, всё же не оценивалось с кондачка. Тут существовал более тонкий показатель – «поправление» или «поправка». И «поправиться» в пионерском лагере значило, что пионер, находясь за городом, вне зоны

загрязнений, не только оздоравливался сам собой – в тени сосновых дубрав или на ласковом солнышке (пиная грибы), – но и попутно за смену-заезд набирал некоторый «живой вес» (нагулянный, наигранный, наплясанный, напетый). И чем больше, тем лучше!

Поэтому сразу по прибытии в пионерлагерь «заезд» подвергался взвешиванию (ещё до принятия пищи) на амбарных весах – пионер за пионером. А результаты этого мероприятия заносились в специальную книгу (типа амбарной).

Взвешивал пионеров врач пионерлагеря. Человек, видимо (а скорее всего, наверняка!), преданный «органу контролирующему». А контролировали всё в те годы парткомы. Ведь если взвешивать будет, допустим, начальник лагеря или его подчинённый, то он легко может и занижить (в корыстных ли целях или в целях оправдания потом своих бестолковых действий по руководству пионерлагерем) первоначальный вес прибывшего на «поправку» пионера. А по его убытию ещё и завысить его вес, получив в итоге «баснословные» цифры «поправки» всего контингента пионеров (а там попадались и просто школьники, и даже и второгодники).

Конечно, кто-то из администрации лагеря мог «подъехать» к врачу с определённым предложением по взвешиванию (за отдельную, так сказать, мзду; а в пионерлагере мяса и другой «дефицитной еды» было в то время навалом – для детей это было всё-таки учреждение). Но врач, если он человек умный, вряд ли бы пошёл на «снюхивание» – кому охо-

та ссориться с парткомом?! О!.. Да это и совсем неправильно сказано. Потому что не с парткомом ссорятся, а это он – партком – ссорится с данным конкретным коммунистом. А вот это уже серьёзно и надолго» и лучше не надо. Лучше – получать уже «тебе положенное». А партком своих людей «всегда не забывал». «Но смотри!.. Если что!..»

И зачем врачу связываться с начальником лагеря, чтобы поддерживать его, так сказать, «сомнительные штаны», если он может спокойно «кормиться» из рук самого парткома?! Это и очень безопасно, и очень престижно, и одновременно ты находишься «в гуще оздоровления» (то есть прикладываешь максимум усилий в деле оздоровления детей трудящихся). А то, что партком всё равно узнал бы истину (даже не в первой инстанции), – это стопроцентно! На то он и партком, чтобы знать всё и вся! Держа тем самым руку на пульсе времени!

Ну а вот после взвешивания, собственно, и начиналось то самое, как его окрестили, «пионерское лето» – звонко-звонящая лагерная жизнь!

...А картошка – обеденье,  
День, день, день!..  
Пионеров – идеал, ал, ал!..  
Тот не знает наслажденья,  
День, день, день!  
Кто картошки не едал, ал, ал!..

Пионеры не зря пели эту песню, потому что знали, что приехали они в пионерлагерь «поправляться». И это, по сути, их основная цель и задача на лето. Ещё была песня:

...Наши бедные желудки,  
Лудки, лудки, лудки,  
Были вечно голодны, ны, ны!..  
И считали мы минутки —  
Нутки, нутки, нутки —  
До обеденной поры, ры, ры!..

Но многие относились к этой «первоочередной пионерской задаче» спустя рукава. Так, я несколько заездов не «поправлялся», а наоборот, снижал вес. И врач лагеря, записывая конечные мои показания и сравнивая их с первоначальными, неодобрительно вздыхал. Наверное, партком и с него «снял стружку» за слабые результаты оздоровления: всё-таки тоже должен смотреть — и за кухней, и за поварами, и за качеством приготовления пищи. Врач ведь всё-таки! А кто будет смотреть? В общем, партком «всегда был прав»! И всегда мог выставить претензию любому. И выставить так, как он того хочет. То есть как бы там ни было и не складывалось с показателем «поправление», врачу лучше было не «химичить», а то... кто его знает, как всё повернётся? А потом... А потом будет уже поздно!..

Надо сказать, что в обед в пионерлагере всегда давали компот (чай, кофе с молоком, какао — и утром, и вечером).

Какао – да на сгущённом молоке!  
Какао – дрожит стакан в моей руке...  
Какао – мечты сбываются мои.  
Зачем мне кофе и чай, когда я пью какао!..

Хотя пионеры и пели эту песню так задушевно и самозабвенно, но единственное, что они любили и боготворили, – Его Величество Компот. Да, компот! Вершина! И апофеоз обеда. Это его (обеда) последний, можно воскликнуть, аккорд! Это... О! И тут любой пионер рассказал бы вам и поведал, а, может быть, даже и продекламировал, что такое Компот. Не зря большевики, более-менее прочно став на ноги и решив «урезать» пайку у революционных кронштадтских матросов, заменив им «полноценный обеденный флотский компот» на чай и кисель, тут же «отыграли назад» (к компоту), поскольку революционные матросики Балтики затеяли бузу и наотрез отказались бороться дальше за дело революции без компота.

Так вот, компот – вещь хорошая. А хорошего (это знают все) всегда бывает мало. Всегда не хватает. Это раз! И второе: в чужой руке, говорят, бутерброд всегда бывает толще. Короче говоря, не ходя вокруг да около, нужно признаться (как бы это ни было прискорбно), что в пионерлагере, пользуясь модным ныне словечком, было не запаadlo (компактное такое словечко) подменить свой стакан с компотом («Фу! Здесь много ягод!». Под «ягодами» понимались ком-

потные сухофрукты, которых почему-то всегда было больше, чем «воды», на стакан компота соседа по столу (а выбор был большой – за столом сидели четверо пионеров).

А вот теперь подумайте и прикиньте, как говорится, граждане, что же за такой обед получался у рядового пионера, если ему необходимо было, быстро подбежав к столу, или сразу выпивать свой компот (что, вообще-то, верно по теории «раздельного питания»), или весь обед держать одной рукой свой стакан, а непосредственно обедать тоже одной рукой – второй? Мало того что это неудобно (надо ведь ещё и хлеб прикусывать, да ещё и салат... да, может, сегодня ещё и яичко подали – почистить его), так ведь и большущая нервотрёпка от всего этого получалась. И оттого, что неудобно кушать, и оттого, что приходится торопиться, да и ещё от разных шальных мыслей и предчувствий, что может каждую минуту приключиться с Твоим Компотом.

А теорию «раздельного питания» – ну её подальше! Ведь уже сказано же, что компот – это вершина обеда пионера! Это всё!.. Или день «удался», или нет.

Совершенно ясно, что с неудобством, с нервотрёпкой, со всем этим непорядком, да и, в общем-то, жлобством надо было бороться. И бороться решительно. У администрации был свой коронный метод: разъяснение, убеждение, «голос», наказание и т. д. Но это тупиковый метод! Как показывала практика, из заезда в заезд картина повторялась. И мало того, что эти администраторы не могли искоренить проблему,

так у них и руки опускались, поскольку они отлично понимали, что эта проблема просто не имеет решения (в их административном понимании). Но только пионер, потому что пионер – это первый! – знает, что безвыходных ситуаций не бывает.

Да, мне безумно надоела эта вечная канитель с компотом, эта каждодневная обеденная лихорадка. А о какой «поправке» может идти речь, если пионер не кушает (как дома) и даже не ест (как в столовке), а просто-напросто поглощает еду в крайне нервной обстановке – торопится, плохо разжёвывает пищу, давится ею, роняет на пол котлеты. Да чего только не случалось! Но вот чтобы пионер когда-нибудь выпускал из руки свой компот – такого я не встречал.

И я решил задачу просто. Подойдя в очередной раз к своему столу, я на долю секунды опередил своих соседей и поступил «неординарно», чем сразу вызвал их «крайне повышенный интерес». Я не стал зажимать рукой свой стакан, а просто погрузил в него (в сам компот) часть (совсем небольшую) своего указательного пальца. И всё! И оставил стакан в покое. Соседи, сжимая свои стаканы, сели, осмотрели меня хорошенько, потом начали есть. Но после супа – «первого» – один из соседей сделал так же, как и я, и тоже оставил стакан в покое, а после «второго» так же поступили и двое оставшихся... Не знаю, наблюдали ли за нами пионеры с других столиков непосредственно в момент проведения данной «акции», но на наши «свободные» стаканы некоторые погляды-

вали по меньшей мере вопросительно, а по большей мере можно было опасаться захвата их и со стороны.

Через несколько дней – прогресс-то ведь, как говорится, не остановишь! – уже я сам стал замечать, что и на других столиках компот остаётся без «дополнительной опеки».

А потом увидел, что причина-то проста: пионеры стали использовать мою «методу». Просто и со вкусом: подошёл, булькнул (или бацнул) пальцем по «зеркалу» компота и весь обед наслаждаешься вкусной и калорийной пищей, спокойно кушаешь (да ещё и беседу душевную ведёшь, да ещё и девчонок красивых разглядываешь).

Тогда я ещё не предполагал, что из всего этого выйдет. Но очень удивился, когда меня взвесили перед отъездом домой. Я поправился на целых восемьсот граммов! И врач, видать (да, отчётливо было видно!), очень был удивлён всем этим. Он сидел у весов взъерошенный, красно-коричневый от испарины и бормотал: «Это что же в этот заезд делается?! Весь заезд поправился в среднем на полкило!...» И в парткоме тоже очень удивились такой «поправке».

И не поверили врачу. «Чистоте», как говорится, его взвешиваний. Поэтому врачу с пеной у рта пришлось доказывать, что он не спелся с начальником лагеря (и вообще ни с кем!). Что он и не помышлял о какой-либо повышенной премии!

Да и не где-нибудь доказывать, а доказывать это на Расширенном Заседании Парткома! (Мне об этом немного рас-

сказала мать, как участнику того заезда: «Вот что у нас делается-то, а?..» Сама она в то время была членом парткома от цеха). Да не с простыми формулировками заслушивали врача, а с такими: «...Да вы сейчас, товарищ коммунист, партбилет на стол положите за такой подлог!»

В общем, врачу вряд ли кто мог позавидовать... А он всё твердил, уже кирпично-красный (и даже и не думал «разоружаться перед партией»): «Всё я правильно взвешивал! И весы проверял! И сам на весы вставал. И весы бинтом протирал». Не знаю, как там всё закончилось, но закончилось всё вроде бы «нормально» (это вам не 37-й год!).

И врач остался на своём месте, и начальник лагеря тоже. Даже, может быть, им дали по хорошей премии «за высокие показатели по оздоровлению детей трудящихся». Или, может быть, им даже значительно улучшили (через лимит парткома) их жилищные условия. А может быть, потом они даже ездили обмениваться опытом в другие регионы. Знаю также, что секретарь парткома (он в парткоме самый главный, хоть и называется секретарь) был очень доволен всем «этим», когда, видимо, перестал сам бояться. А это ведь очень непросто, когда что-то вдруг резко и, главное, необъяснимо начинает меняться; и не важно, что к лучшему! Важно, что это надо как-то объяснить! Чтобы правильно реагировать. Ведь это же просто ЧП! А ЧП – это то, что не поддаётся не только пониманию, но и регулированию. Да ещё, и надо «наверху» объясняться: «Почему могли, оказывается, но раньше не де-

лали?!»

Знаю это, потому что через некоторое время после приезда из пионерлагеря меня и сестру пригласили на день рождения у одной девчонки из «хорошей», как говорят, семьи. Там были взрослые и незнакомые дети. Все сидели за большим столом, составленным из нескольких столов.

И секретарь парткома, тоже приглашённый со своим сыном, довольный, улыбающийся, говорил всем родителям: «А вы знаете, что в этом году у нас в пионерлагере очень хорошие показатели оздоровления детей трудящихся!»

Мы с сестрой сидели между родителями, и когда разлили лимонад («детское вино») в высокие и красивые фужеры, почти не глядя на эти фужеры, но «оперативно», автоматически, а главное – синхронно (как бывает, по-видимому, только в синхронном плавании) шлёпнули самыми кончиками указательных пальцев по ещё не устоявшейся, шипящей и пенящейся глади напитка – так только, слегка, буквально чуть-чуть.

Но, как известно, искусство завораживает! И всё, сделанное безукоризненно, мастерски, органично, как бы даже на пределе человеческих возможностей, не остаётся без должного внимания. Весь праздничный стол, все только что мило беседующие (и стар, как говорится, и мал) резко повернулись и уставились на нас. А это, мол, что за такие интересные люди? Уникальные и нам не понятные.

Родители, сгорая от стыда и не зная, что предпринять,

незаметно для окружающих, но чувствительно для нас начали подтыкать нас с сестрой под бока (хоть дело сделано, но мало ли что мы можем отколоть ещё).

Но, друзья мои, безвыходных ситуаций, как я уже говорил, для пионера не бывает («Будь готов!» – «Всегда готов!»). Когда тишина достигла некоторого предела натянутости, я непринуждённо сказал всем: «А вы знаете, это мы в “Отравленных королей” играем!.. Вот, смотрите: если «вино» не помутнеет, значит, оно не отравлено! А если помутнеет, значит, отравлено».

«Вино» не помутнело. Все заулыбались. И родители наши тоже. А кто-то засмеялся и захлопал в ладоши. И все опять оживились и заговорили. А какая-то дама воскликнула: «Вот видите, дети!.. А вы всё бегаете, всё в “Казачьи-разбойники” играете».

И все дети макнули в свои фужеры по указательному пальцу. Но неумело, по-дилетантски, можно сказать. И всем стало весело и очень смешно. Все смотрели – не помутнело ли их «вино».

Вот так, сам того не ведая, я помог парткому в его «святом деле» – заботе о детях. Потому что дети – это будущее любой страны, и они должны быть не только здоровыми, но и упитанными. А свой, впрочем, так, «дежурный», лёгкий подзатыльник я всё-таки дома тогда получил. Для проформы. Потому что я старший (научил сестру я!) и должен за всё быть в ответе...

# С песней по жизни

*Нам не дано предугадать,  
Как слово наше отзовется...*

**Ф. И. Тютчев**

Фёдор Иванович Тютчев, большой русский поэт, был человеком очень совестливым и ответственным, поэтому он призывал всю пишущую братию чрезвычайно осторожно относиться к изложению своих мыслей перед публикой. Более строго, что ли (строго в смысле – точно), выражать в словах свои мысли и чувства, чтобы быть понятыми правильно и до конца...

У нас во дворе (речь идёт не о «старожилах», а, наоборот, о, скажем так, «младожилах»), стихи читать не любили.

Сразу поясню: не любили («младожилы» – это пацаны и есть!) – значит, относились к стихам «холодно», не более того, а то многие могут подумать, что мы буквально – «бежали от них как угорелые» и готовы были всё на свете отдать, только бы не видеть и не слышать их...

А вот песни мы обожали (хотя это те же стихи, только положенные на музыку). То есть, если перевести с поэтического языка на пацанский, строку Н. А. Некрасова «Поэтом можешь ты не быть, а гражданином быть обязан», – получится что-то вроде: «Сплясать ты можешь мне не дать, но песню

всё же дай послушать...»

А песни в те времена «лились» (подусиленные!) почти из всех форточек, окружавших нас двух- и трёхэтажных домов:

Тебя окликнуть можно,  
ещё окликнуть можно...  
Но возвратить уже нельзя...

Такая песня, помню, звучала в тот день и час, когда мы (я, Димыч, Аркана и Натуся) «прохлаждались» на лавочке у нашего подъезда в середине ласкового каникулярного лета...

А любили мы в такие минуты нашего блаженства «приколоться» (отчебучить, иными словами, чего-нибудь, – а это очень широкий спектр действий, намерений и всего «такого» – только показывая свои «способности»!).

В тот раз, сделав дурацкий вид и показав на форточку, из которой изливалась песня, я выдал (как бы спросил):

– Как это – «тебя открякать можно»?..

Приятеля, может, и не прислушивались к тексту песни, но отдельные «индивидуумы», конечно, смекнули, что «пошёл прикол». И разговор сразу, как говорится, «заладился».

Аркана предположил:

– Может, «открякать» – это ругнуться?..

– А чего ругаться, если возвратить её – уже нельзя?.. – парировал я.

– Ругаться в такой ситуации вообще неприлично! – высказалась Натуся.

В какой «такой»? Чего она «наплела»?.. Мы переглянулись. Но ничего как бы «не поняли» (сделав, для порядка, «дурацкий вид» – так приятнее прикалываться).

– Наверное, «открыкать» – это кочетом таким пройтись по двору?.. – начал размышлять Димыч, углубляясь «ясным взором» в самого себя. – Перья как бы распушить... Мол, посмотрите на меня! Типа, как поётся в песне: «Я – супер, детка!.. Да!.. Да!.. Ей-ей!..»

– Да ладно тебе!.. – осадил его Натуся (она не любила проявления такого... как это говорят, амикошонства... откровенного – как бы фатовства, что ли... с оттенком некоторой пошлости, даже и напускной как бы – в общем, понтовства какого-то чрезмерного...)

– Перья цветные, конечно, распушить нормально!.. – снова, как мне показалось удачно, выразился я. – Но кочет – это петух, и он не крикает, а кукарекает!.. И зачем этому парню распушать перья и ходить кочетом, если её возвратить уже нельзя?..

– Ну ты заладил: нельзя-нельзя, не возвратить!.. – уставился на меня Аркана.

– Это не я заладил, – возразил я, – это в песне так поётся!..

– Да там же поётся не «открыкать», а «окликнуть»! – пояснила Натуся, видимо, припомнив слова песни или так и не поняв, что я прикалываюсь.

– Вот! А ты заладил: «открыкать» да «открыкать»!.. – выпалил в мою сторону Аркана. И снова надулся.

Я ничего не стал говорить.

– А зачем ему её окликать, если возвратить её уже нельзя?.. – вздохнул Димыч и призадумался – «более глубоже» («сделал вид»; он-то понял, что я прикалываюсь).

– Девушкам логика не нужна, у них интуиция, – устремив «мечтательный взор» вдаль, произнесла Натуся.

А меня осенило.

– Ребята, а ведь «открыкать» – это далеко совсем не «ущербный вариант» слова в этой хорошей песне, из которой это слово, как говорит пословица, не выкинешь, – вычурно проговорил я («шибко очень» люблю приколоться среди «друзей и подруг»). – «Открыкать» – это же одобрение! Представьте: сидят на лавочке «дедки» и мужчины, скажем, средних лет... И идёт она – красивая такая! Прямо «конец света»... Рядом проходит... И вот, мужчины и «дедки» начинают восхищаться ею. Сначала – не так явно, а потом всё явнее и явнее, и даже, как говорят, крикают от восхищения в прямом и переносном смысле этого слова: «У-ух, какая!.. И-ех, какая!..» Крикают так и восхищаются. И переглядываются между собой. Мол, смотри-ка ты, какая, а!..

– Да, это замечание, я думаю, наиболее правильное! – подхватила Натуся.

– Ну нормально, вообще-то... – «сдулся» и сдался Аркана.

– Да, так оно и есть! – подытожил Димыч.

А в форточке уже «играла» другая песня:

...Сладку ягоду рвали вместе,  
Горьку ягоду – я одна...

Грустный женский голос не столько «надрывался», сколько «драматически» повествовал и констатировал.

– А кто поможет-то?! – отрезал Аркана в сторону форточ-  
ки.

– А вот я думаю, – начал я, чтобы вновь вернуть наш разговор, как говорят, в «конструктивную и творческую плоскость», – что ягоды не рвут, а собирают...

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.